

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 478–483

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 478–483

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-478-483>

EDN: ZWNWUY

Рецензия

УДК [821.161.1.09+398(470+571)](049.32)+929Строганов+929

Векторы культуры

Рецензия на: *Строганов М. В. Парадоксы культуры: Работы разных лет. СПб. : Росток, 2022. 402 с. ; ил.*

Е. Г. Елина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

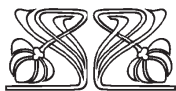
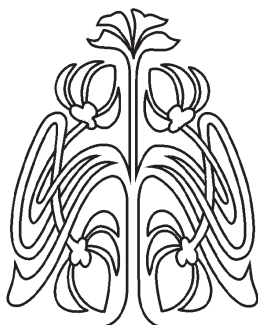
Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Аннотация. Рецензия посвящена сборнику статей, подготовленного профессором М. В. Строгановым к своему 70-летию. В книге сплелись два главных научных интереса автора, замешанных на особенной, свойственной только данному исследователю, методологической парадигме. Это внимание к литературно-художественному или фольклорному тексту и сосредоточение на богатстве русской культуры в самых широких ее проявлениях: песня и пение, музыка и живопись, разнообразные оттенки театрального искусства. Эти две составляющие научного поиска у Строганова находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. Ученый не только останавливается на очевидных проявлениях этих связей, но видит в них движущую силу всей русской художественной мысли, поиски эстетического идеала, ответы на мучительные вопросы русской жизни. Основная проблема, исследуемая в главах книги, – диалектика высокой культуры и культуры массовой. Автор показывает, что массовая культура – это не негативный эпизод в развитии культуры, который необходимо преодолевать, чтобы избежать перекосов, а закономерность исторического развития общества. Это происходит, по убеждению ученого, в связи с тем, что массовая культура формируется одновременно с появлением высокой авторской словесности. Высказывания многих выдающихся деятелей литературы и искусства против дешевой популярности массовой культуры, ее тяготения к лубочности, покушению на святости, опошлению и искажению высокого вызывают автора рецензируемой книги на серьезный и доказательный разговор о массовой культуре. Для ученого массовая культура имеет собственные параметры и границы, отдельные задачи и способы воплощения, обладает своим читателем-зрителем-слушателем, а потому является важнейшим объектом научного осмысления. М. В. Строганов формулирует специфику этого объекта и систему его аналитического описания.

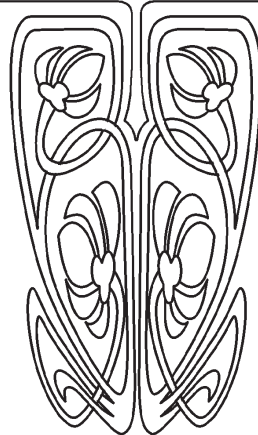
Ключевые слова. Михаил Викторович Строганов, массовая культура, «высокая» культура, миф, массовое сознание, Ломоносов, Пушкин, Салтыков-Щедрин, русская литература, фольклор

Для цитирования: Елина Е. Г. Векторы культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 478–483. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-478-483>, EDN: ZWNWUY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ

Review's report

Vectors of culture

Review of: Stroganov M. V. *Paradoxes of culture: Essays over the years*. St. Petersburg, Rostok Publ., 2022. 402 p. With illustrations (in Russian)

E. G. Elina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena G. Elina, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Abstract. This is a review of a collected volume of articles prepared by Professor M. Stroganov for his 70th Anniversary. The book intertwines two main academic interests of the author, mixed up in a special, unique to the researcher, methodological paradigm. These are the attention to the literary or folklore text as well as the focus on the diversity of Russian culture in its broadest spectrum: song and singing, music and painting, and the various facets of the theatrical arts. These two components of academic exploration in the work of Stroganov are in constant interaction and mutual influence. The author goes on to explore not only the obvious manifestations of these connections, but also sees in them the driving force of all Russian artistic thought, the search for the aesthetic ideal, and the answers to the burning questions of Russian life. The key aspect explored in the book's chapters is the dialectics of high culture and mass culture. The author argues that mass culture is not just a negative episode in the development of a culture which should be resolved to avoid distortions, but a feature of the historical development of society. This occurs, according to the author, due to the fact that mass culture is formed simultaneously with the emergence of the original high literature. The opinions of many prominent literary and artistic figures against the cheap popularity of mass culture, its gravitation towards tastelessness, violation of sacredness, trivialisation and distortion of the sublime, provoke the author of the reviewed book to have a serious and substantiated discussion about the mass culture. For the author, mass culture has its own parameters and boundaries, with its own separate tasks and ways of realisation; it has its own reader-viewer-listener, and is thus the most important object of an academic study. M. Stroganov formulates the specifics of this object and creates a system for its analytical description.

Keywords: Michail Stroganov, mass culture, high culture, myth, mass consciousness, Lomonosov, Pushkin, Saltykov-Shchedrin, Russian literature, folklore

For citation: Elina E. G. Vectors of culture. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 478–483 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-478-483>, EDN: ZWNWUY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Михаил Викторович Строганов – один из самых ярких сегодня представителей филологического цеха. Его труды по истории русской литературы, по творчеству Пушкина, Белинского, Салтыкова-Щедрина, его краеведческие штудии, интерес к фольклористике сделали ему имя, а вышедшие под его редакцией и с комментариями произведения во многом забытых авторов выводят Строганова в ряд крупнейших текстологов и источниковедов России.

К своему 70-летию юбилею М. В. Строганов подготовил и выпустил несколько весомых трудов, среди которых особое место занимает рецензируемый сборник. В этой объемной книге сплелись два главных научных интереса автора, замешанных на особенной, свойственной только данному исследователю, методологической парадигме. Это внимание к литературно-художественному или фольклорному тексту и сосредоточение на богатстве русской культуры в самых широких ее проявлениях: песня и пение, музыка и живопись, разнообразные оттенки театрального искусства. Эти две составляющие научного поиска у Строганова находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. Ученый не только находит очевидные проявления этих связей, но видит в них движущую силу всей русской художественной мысли, поиски эстетического идеала, ответы на мучительные вопросы русской жизни.

Говоря о векторах русской культуры, автор подчеркивает их прихотливость и неоднозначность. Столь же прихотливы и неоднозначны выдвинутые М. В. Строгановым тезисы и концепции. Вводная часть книги названа не введением и не предисловием. Из всего ряда возможных обозначений автор выбирает слово «Посылка»¹. Этот первый посыл (посылка!), адресованный в первую очередь читателям, исполнен полемического пафоса, который впоследствии переходит в некоторые разделы книги. На нескольких страницах «Посылки» автор размышляет о связи классики и массовой культуры, убеждая с помощью ряда примеров в том, что эта связь на самом деле является более полновесной и отчетливой, чем порой хочется думать. Собственно доказательствам этого главного тезиса-посылки и посвящена книга.

В книге три раздела, рассматривающие три основных узла, которые составляют суть современных представлений о массовой культуре и ее проявлениях в культуре «высокой». Речь идет о закономерном и случайном в произведениях массовой культуры, о способах формирования устойчивых мифов (а порой и мемов) массовой

¹ Не исключаю, что М. В. Строганов имел в виду сугубо литературоведческий смысл слова «Посылка»: метрическое повторение заключительной части последней строфы песни, обычно содержащее её посвящение. Было принято в средневековой поэтике.

культуры и о том, какую роль в этом процессе могут играть вершинные имена классиков, и, наконец, об отношении к массовой культуре со стороны массового же сознания. Во всех разделах книги М. В. Строганов последовательно доказателен, внимателен к деталям, уважителен к источникам и предшественникам. Некоторые разделы сопровождаются приложениями с публикацией редких текстов, репродукциями, записями, собранными автором в фольклорных экспедициях и хранящихся в Государственном Российском Доме народного творчества имени В. Д. Поленова (коллекция М. В. Строганова).

Подробно размышляя о пушкинской «Черной шали» в главе, посвященной этому произведению, М. В. Строганов скрупулезно изучает перепевы и пародии этого текста, опирается при этом на историю его создания и бытования. Автор убежден, что «Черная шаль» изначально задумывалась как пародия на баллады Жуковского, при этом современниками текст воспринимался абсолютно серьезно. Этот исследовательский импульс во многом определил стилистику главы, значительная часть которой написана в иронично-травестийной манере («тема утопления трупа в реке ночью порой», «отличие дядиного перевода от оригинала племянника очевидно» (о Пушкиных), «в какой степени сознательно Пушкин прятал концы в воду»). Название одной из подглавок «Как и из чего сшита “Черная шаль”» отсылает читателя к одному из самых памятных в истории литературоведения заголовков (Б. М. Эйхенбаум. «Как сделана “Шинель” Гоголя»). Парадокс, возникающий на фоне алогизма пародийности (замысел) и серьезности (восприятие), автор объясняет двумя главными причинами. С одной стороны, текст имел одновременно два художественных задания («отрицательное» – пародия и «положительное» – ориентация на Байрона). А с другой стороны, в «Черной шали» отчетливо явлены признаки массовой культуры. Подробно анализируя историю бытования текста, его песенных и даже хореографических вариаций, М. В. Строганов заключает: «Во всех приведенных выше фактах мы видим двойное движение: с одной стороны, это приобщение широкой публики к высокой культуре, но с другой стороны, это приспособление высокой культуры к потребностям массовой, усвоение классической культуры массовой и, как следствие, девальвация образов классической культуры» (с. 83). Автор предъясняет читателю важнейший механизм, определяющий диалектику высокого искусства и его массового переосмысления. Задуманная как пародия,

«Черная шаль» в массовом сознании вновь пародировалась, но при этом превращалась в трагедию².

Несомненным достоинством рецензируемой книги является абсолютное отсутствие эмоциональной оценочности множества культурных явлений, несущих на себе оттенок массовости. Вдумчивый и скрупулезный анализ и самих текстов, и их исполнения, и форм их бытования, по сути дела, определяет специфику научного подхода М. В. Строганова к массовой культуре. Для него этот тип культуры, имеющий собственные параметры и границы, отдельные задачи и способы воплощения, обладающий своим читателем-зрителем-слушателем, несомненно, является важнейшим объектом научного осмысления. М. В. Строганов формулирует специфику этого объекта и систему его аналитического описания. Стоит заметить, что оппонентов на этом пути у автора книги немало, и среди них знаменитые русские писатели, композиторы, литературные, музыкальные и театральные критики. Однако их высказывания и их принципиальная позиция против дешевой популярности массовой культуры, ее тяготения к лубочности, покусению на святыни, опошляванию и искажению высокого вызывают автора на серьезный и доказательный разговор о массовой культуре. Для М. В. Строганова она видится как сложное и мало изученное явление, требующее специального исследовательского инструментария. Ученый внимательно анализирует причины, по которым массовая культура достаточно легко приспособливается к своим нуждам высокое искусство, быстро проникает в самые поры читателя и слушателя, находит талантливых авторов и исполнителей, выходит на широкий рынок. Автора книги интересует не столько качество и уровень этих произведений, сколько механизмы трансформации, виртуозного умения адаптироваться к запросам публики, редкостной мимикрии массовой культуры – свойств, позволяющих ей задерживаться надолго в общественном сознании.

Парадоксы массовой культуры рассмотрены в главе, посвященной хору Агренева-Славянского, и здесь филолога ждут важные теоре-

² Здесь уместно будет упомянуть ссылку М. В. Строганова на работу Е. В. Киреевой, опубликовавшую 9 полных записей романа «Черная шаль», бытовавших в Саратовской области: Киреева Е. В. Фольклоризация «Черной шали» А. С. Пушкина и песенные варианты текста из архива кабинета фольклора им. проф. Т. М. Акимовой кафедры истории русской литературы и фольклора. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. / под ред. В. К. Архангельской. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та. 2003. С. 5–37. (С. 95).

тические заключения, касающиеся бытования традиционной культуры вне аутентичной среды. Систематизируя разнообразную и разношерстную биографическую информацию о создателе знаменитого хора, М. В. Строганов показывает, что в середине XIX в. в России формировались принципиально новые практики в бытовании культуры в целом, вплоть до появления первых симптомов эстрадной культуры. А обращение к истории «Лучинушки» («Лучинушка, лучина березовая») позволяет говорить о деформации исторического текста в новых условиях, когда, собственно, и происходит перемещение «высокого» произведения народной песенной культуры в разряд культуры массовой. Как пишет автор, «любая актуализация культурного наследия народа оказывается по сути кичевым ответом на запрос современности» (с. 168).

Название первой части книги «Шел в комнату, попал в другую» очень точно отражает авторский замысел: показать неисповедимость путей проникновения «высокого» текста в стан массовой культуры. Однако, как следует из текстов глав, эта неисповедимость может и должна быть аналитически проработана.

Вторая часть собрания глав «И вот – общественное мнение» – это мысли автора о мифологизации сюжетных и биографических ситуаций, отражающих жизни и судьбы деятелей русской культуры. Интереснейший процесс создания и обрастания новыми подробностями биографических мифов о Ломоносове рассмотрен в главе «Ломоносов: миф о призвании культуры». Выясняется, что комплекс мифов о «первом университете» России создавался на протяжении многих лет, а сотворцами этого мифа были и сам Михаил Васильевич, и целая плеяда русских поэтов, и биографы Ломоносова. Миф о Ломоносове явился суммой многих составляющих – время и место рождения, занятия поэзией и науками, статус. Автор подробно представляет частные, но очень важные для процесса мифологизации составляющие. Так, например, К. Н. Батюшков, по слову Строганова, «берет номинативную характеристику мачехи и превращает ее в сюжетное положение, берет описание отца и превращает его в метафору, берет указание на весьма туманную и зыбкую связь Ломоносова с раскольниками <...> и нагоняет еще больше тумана <...>» (с. 182). А Пушкин поступает иначе: он «рассказывает миф, свернутый эквивалент многомерной реальности» (с. 190) и фактически «уравнивает дело Ломоносова и дело Петра» (с. 191). Проследив историю формирования ломоносовского мифа, М. В. Строганов приходит к мысли о том, что Пушкин ближе всех подошел

к пониманию подлинной ценности Ломоносова. Не уровнем поэтических строк брал Ломоносов, его главная роль в создании и продвижении отечественной науки.

Конструкция мифа становится предметом исследования и в главе «Как Пушкин стал нашим всем». Автор подчеркивает, что миф, как правило, начинает формироваться после ухода известного человека из жизни. Подробности биографии, ставшие известными по разным источникам, словно «каменеют» в посмертных мемуарах и свидетельствах. Эта «окаменелость» подробностей, по мысли исследователя, становится важнейшим структурным элементом мифа, поскольку именно устоявшиеся общие места начинают кочевать из публикации в публикацию, работая на тот или иной образ. Прибегая к стилю иронического историко-литературного сообщения, М. В. Строганов стремится понять, почему именно Пушкин был выдвинут на роль русского национального гения. Не Крылов («не прошел кастинг» – с. 213), не Гоголь («то вылезал с “Ревизором”, так, что приходилось делать хорошую мину при плохой игре, то приставал с елейными поучениями к губернаторам и губернаторшам» – с. 213–214), не Жуковский (император и двор видели в нем наставника, но не поэта) – а именно Пушкин. Как показывает ученый, это было связано с установкой императора на «национальную мифологизацию всей русской жизни» (с. 214) и с популярностью уваровской триады не только в верхах, но и в низах. М. В. Строганов исследует влияние внешнеполитических и сугубо российских факторов на зарождение и распространение пушкинского мифа, он вникает в исторические источники, апеллирует к писательским авторитетам, изучает лингвистические контексты, связывает формирование мифа с главным жизненным впечатлением Пушкина – декабристами. В результате автор приходит к выводу о закономерности появления пушкинского мифа, обусловленного не чьей-то прихотью, а историческими обстоятельствами, способствующими появлению и продвижению глобальной национальной идеи.

Последние главы этой части книги посвящены двум знаменательным литературным историям. В одном случае речь идет о таком явлении, как арзамасский стеб («Арзамасский стеб: пределы и границы дозволенного»), а в другом – о литературно-критической полемике второй половины XIX в. и о методах спора, которые использовал известный литературный критик Н. К. Михайловский. В обоих случаях говорится о способах формирования общественного мнения, о воздействии на читающую пу-

блику со стороны известных литераторов. Здесь М. В. Строганов не выходит за границы историко-литературного исследования, не рассматривает происходящие в литературном сообществе (в том числе в журнале) события как ступень в мифологизации известных в литературе персонажей. Автору важно литературоведчески осмыслить рассматриваемые события и дать им научный комментарий. Центральной становится мысль о формах писательского поведения, о связи поведения бытового и литературного, о формировании писательских репутаций и фактически об исторической ответственности за публикации, выходящие за границы дозволенного. Обе главы носят характер редкого в наши дни жанра этического литературоведения. Как и в прежних публикациях, М. В. Строганов избегает прямых оценок для тех арзамасцев, которые использовали «стеб и глумление» не только как литературный прием, но фактически издевались над автором пародируемого сочинения. «Арзамасская галиматья» как форма критической оценки литературных противников была наотмашь, отменяя заслуженные репутации и попадая в самое сердце литературных оппонентов. Автор пишет, что подобные приемы использовались литераторами и в другие времена и при других обстоятельствах, но обычно это происходило в пространстве частной переписки и на арену общественных споров не выдвигалось.

«Веселые ноги» Михайловского написаны о том же – только на материале другой эпохи и про других фигурантов. Инвективы Н. К. Михайловского, направленные в адрес В. В. Лесевича, а затем Акима Волынского, как показывает автор, были избыточно жестокими. М. В. Строганову важно подчеркнуть существенное различие между литературной игрой, остроумием, язвительностью и бытовым поведением, ведущим к конфликту, к обиде и даже разрыву отношений. Заостряя внимание на проблеме изменений статуса писателя в течение всего XIX в. и взаимоотношений писателя и общества, М. В. Строганов показывает, каким опасным оказывалось нарушение границы между литературным и бытовым, общественно значимым и личным. Неоправданный переход из одного состояния в другое оборачивался дискредитацией противника, но приносил дивиденды автору размашистого опуса: он рассчитывал получить и зачастую получал одобрение читателя. При этом, по мнению М. В. Строганова, высокая литература произвольно низводилась до массовой.

Еще одна грибоедовская строка – «Попал или хотел попасть» – отнесена к последней части книги. Две ее главы посвящены постоянному

герою научных интересов автора – М. Е. Салтыкову-Щедрину. Первая глава «Дух народной культуры на вкус Салтыкова» выявляет особенности обращения писателя к народной культуре. Вопреки общепринятому мнению, когда интерес сатирика к традиционной культуре – народным песням, сказкам, пословицам – трактовался как стремление к сохранению этой культуры в первоизданном виде, как ориентация писателя на образцы народной культуры, как устойчивая любовь к отдельным песням и народным афоризмам, М. В. Строганов предлагает иную концепцию. Исследователь уверенно полагает, что обращение к народной песне у писателя выполняло несколько функций. Это могло явиться важным штрихом в характеристике персонажа, однако Салтыков при этом ориентировался лишь на песенные тексты, широко растиражированные литературой, а потому в его произведениях эти тексты становились «массово узнаваемым сигналом народности» (с. 293). Фольклористические пристрастия Салтыкова, как показывает М. В. Строганов, очень специфичны. Так, отдельные цитаты из народных песен – это не столько аутентичные цитаты, сколько расхожие штампы, известные по газетным публикациям и вошедшие в устную речь представителей разных сословий. Песня видится сатириком не как исконный фольклорный текст, а как повод для собственных размышлений. В связи с этим М. В. Строганов приводит примеры произвольного толкования Салтыковым песенных строчек. Песенная строка для писателя, как и любая другая, – это способ высказать собственные идеи и настроения по поводу общественной жизни. И песня, и пословично-поговорочные речения для писателя являются символом массовой культуры, в которой он видел нечто псевдонародное и воспринимал как своего врага. Для М. В. Строганова все это выглядит как своего рода отступление от историзма, от последовательной в этом отношении позиции самого Салтыкова о необходимости исторических оценок каждой фазы развития народа.

Вторая глава третьей части «Салтыков и “каскадный мир” России 1860–1870-х годов» вводит читателя в музыкальную культуру эпохи. Виртуозно написанная, эта глава посвящена оперетте и самому популярному в России композитору, работавшему в этом жанре, – Ж. Оффенбаху. Музыкальное искусство Оффенбаха, исполнители главных партий в его водевилях, постановки и постановщики – все это рассматривается М. В. Строгановым через призму сочинений Салтыкова. Ученый останавливается на многих деталях, свойственных опереточной музыкаль-

ной культуре и сочинениям Оффенбаха. Исключительно интересны наблюдения и выводы по поводу этических и эстетических разногласий Салтыкова и сторонников популярнейших оперетт. При этом частое обращение к Оффенбаху и его произведениям в текстах Салтыкова обнаруживает и огромную популярность в России композитора, и прекрасную осведомленность писателя во всем, что происходило на театральных подмостках российских столиц.

Обращение к «Дневнику провинциала в Петербурге» и «Господам Головлевым» позволяет исследователю увидеть множество смысловых обертонов в восприятии современных Салтыкову оперетт. Подробно и на большом материале автор размышляет об отношении Салтыкова к актерской игре, дает немало биографических подробностей из жизни петербургских опереточных див, комментаторски разъясняя практически не известные читателю факты из театрального мира. Вновь и вновь возвращаясь к теме массовой культуры, М. В. Строганов дает еще один очень важный теоретический тезис, указывающий на историческую подвижность границ массовой культуры: «То, что во времена Салтыкова осознавалось как массовое искусство и откровенная пошлость, в наши дни воспринимается совершенно нейтрально» (с. 352). При этом автору важно отметить историческую справедливость салтыковских оценок, поскольку «они помогают увидеть формирование массовой культуры в большой исторической перспективе <...>» (с. 352).

Книга М. В. Строганова открывает филологам, а с ними и всем гуманитариям новые

смыслы в интерпретации диалектического соотношения высокой и массовой культуры. На материале русской литературы, фольклора, искусства народной песни и театра автор показывает неразрывную связь этих двух явлений. Все эти переходы и перелеты – от пушкинской строки к массовой песне, от народной песни к эстраднему псевдофольклору, от массовой культуры к пушкинскому и ломоносовскому мифу, от ожиданий массового сознания к не самым удачным с этической точки зрения строкам арзамасцев и Н. К. Михайловского – они не меньше, чем образцы высокого искусства, оставляют свой след в истории. Для М. В. Строганова «массовая культура – это не негативный эпизод в развитии культуры, который необходимо преодолевать, чтобы избежать перекосов, а закономерность исторического развития общества» (с. 399). Это происходит, по убеждению ученого, в связи с тем, что массовая культура формируется одновременно с появлением высокой авторской словесности.

Как показывает М. В. Строганов, векторы русской культуры, особенно массовой, сближаются и расходятся зачастую совсем не в тех плоскостях и временных измерениях, где этого можно было бы ожидать. Разрушаются границы и привычные представления, мифы рождаются в потоке реальной жизни, а смешное неожиданно становится обидным. Доказательств, приведенных автором книги, достаточно, чтобы их осмыслить и принять, при этом отчетливо осознавая, что из поля нашего научного филологического зрения массовая культура выпадать не должна.

Поступила в редакцию 12.08.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 01.09.2022
The article was submitted 12.08.2022; approved after reviewing 20.08.2022; accepted for publication 01.09.2022